

По материалам Круглого стола

Публикуется стенограмма выступления профессора кафедры истории русской литературы МГУ имени М.В. Ломоносова Анны Ивановны Журавлевой (1938–2009), автора значимых научных исследований, посвященных творчеству М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского, Ап.А. Григорьева. По приглашению Е.Ф. Сабурова А.Н. Журавлева принимала участие в обсуждении его книги «Школа и свобода» (М.: Либеральная миссия, 2005) на круглом столе, проводимом 12 мая 2005 г. Высшей школой экономики, где выступали также историк С.И. Каспэ, политолог И.М. Клямкин, социолог Н.Е. Покровский, педагог А.А. Рывкин).

Евгения Федоровича Сабурова, известного большинству прежде всего в качестве ученого-экономиста и государственного деятеля (в 1994, например, он премьер-министр тогда автономного Крыма), Анна Ивановна знала с другой стороны: они познакомились в 1970-х гг., когда ее муж, поэт Всеволод Некрасов, и поэт Сабуров встречались на московских неофициальных литературных площадках. Так что, когда Анна Ивановна возражает Сабурову, не соглашаясь ни с его представлениями о том, что современной молодежи не нужна классическая литература как якобы мертвая, ни с большинством сабуровских идей о должном устройстве системы просвещения, – она спорит не просто с высокопоставленным чиновником, а со «своим».

Выступление Анна Ивановна начинает словами «Я архаик». Через несколько месяцев, в начале 2006 г., она написала текст, уточняющий формулировку выступления: «Несколько реплик архаиста новаторам»:

«Либеральных экономистов, считающих, что нарастающая нехватка трудовых резервов может быть компенсирована правильной политикой в отношении иммигрантов, нередко обвиняют в том, что они намерены заменить народ. Мне кажется, что образовательная стратегия современного государства уже это делает. Падение качества гуманитарного образования, языковой культуры, нарастающий разрыв с классической традицией, сформировавшей нравственные устои российского общества, – это настоящая угроза целостности и безопасности Российского государства. Российский человек исчезает не оттого, что в его кровь вливается кровь «чужаков». При минимальном знакомстве с русской историей всякий вспомнит, что это далеко не но-

вость. Российский человек исчезает при размывании его культурной идентичности. Модернизация образовательных технологий не должна вести к утрате национальных традиций в образовании. Русский язык и литература, как и история, – основные школьные дисциплины, способствующие социализации новых поколений, формирующие их менталитет».

(<http://www.russ.ru/pole/Neskol-ko-replik-arhaista-novatoram>)

Стенограмма Круглого стола была опубликована в сетевом издании «Русский журнал»(2005), откуда, однако, через некоторое время исчезла, видимо, по причинам технического характера.

Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская

Выступление А.И. Журавлевой на обсуждении книги Е.Ф.Сабурова «Школа и свобода»

...Я архаик. И начиная свой любой курс, даже общий, уж не говоря о специальном, я студентам говорю, что наш предмет – литературное произведение. У него есть автор. И смерти автора нет. И нет ее, кстати, и для для, так сказать, биологически живущих сегодня, будь они хоть самые радикальные постмодернисты: каждый из этих постмодернистов весь тут, в своем произведении, как на ладони, что бы он ни говорил об этом.

И конечно, тем более нет для тех авторов, произведения которых остались жить в культуре последующих эпох и существуют для следующих поколений. Вот мы со студентами – читатели последующих поколений. Мы участвуем в существовании этого произведения, как участвовали в нем современники автора. Но мы – другие. Вот это – другие – очень важно.

Разумеется, я не одна такая, но мы сегодня маргиналы – те, кто такой позиции придерживается. В книге Сабурова, где говорится об игре, игровом обществе и игровом образовании, я для себя и мне подобных увидела некоторую, можно сказать, надежду. Сейчас объясню почему. Потому что литература – это величайшая игра человечества. Никем не придуманная, органически возникшая. Можно сказать и так, как сказал поэт: игра Бога со своими детьми. Здесь читатель всегда участник. Здесь действует принцип отождествления себя либо с автором, либо с персонажем. Конечно, у зрелого читателя это чисто интеллектуальное отождествление, достаточно опосредованное многими ступенями, но я бы не стала смеяться и над теми, кто наивно отождествляет себя с героем, или с авторской позицией, хотя, конечно, желательно, чтобы постепенно это отождествление преобразовывалось в более сложное. Так вот, человек читающий – это еще одно определение человека, вдобавок к играющему и мыслящему... Он участник такой игры, которая позволяет ему, во-первых, осознать себя как индивидуальность, во-вторых, ориентироваться в мире, вступать в отношения с другими, поскольку он

вступает во владение – это выражение из книги Евгения Федоровича – пресованного опыта многих, множества других, многие из которых бог знает как давно умерли.

Для того или иного поколения и индивидуального читателя живы одни вещи в литературе прошлого и мертвы другие. Но это еще отнюдь не значит, что якобы мертвое умерло навсегда. А что вообще будет завтра и тем более послезавтра, предсказывать трудно, невозможно и не нужно. И вот тут, Евгений Федорович, я бы Вас вот о чем попросила... Вы, такой осторожный в других предсказаниях, в отношении нашей родной литературы повели себя очень радикально, объявляя, что один жив, а другой умер, и никогда мы его читать больше не будем, или, во всяком случае, он будет для нас так же далек, как... и перечисляются имена, даже не буду их называть.

Теперь относительно образования. Да, я полностью поддерживаю постулат Сабурова, который звучит так: нужно просвещение, а цель просвещения – это вступление во владение нашей единственной собственностью, прошлым. Загвоздка только в том, как, какими путями реализовать эту цель; здесь, я думаю, будет еще много споров. Мне-то кажется, что, видимо, образование все-таки будет разнотипным, причем перегородки между разными типами образования должны быть проницаемыми на любом этапе: человек должен иметь возможность их преодолеть, если он передумает, захочет переориентироваться в жизни. Как известно, в прошлом веке в университет брали из гимназий, а если ты кончал реальное училище, то должен был сдать древние языки, которые в реальных училищах не проходились. Очень грубый пример, но в принципе – модель, которая приложима к разным системам.

Боюсь, что очень симпатичная игровая модель таит много опасностей, тут есть возможности как добросовестных заблуждений, так и всякого рода спекуляций. Пока что вот большинство предложений в области реформы образования, особенно исходящих от власти, которой, впрочем, по Сабурову, уже нет, представляют задачу модернизации образования очень просто, упрощенно, я бы сказала. Они ее стремятся свести просто к минимизации школьных сведений о мире. Этих сведений должно быть мало, и тогда вот мы уж тут поиграем. Как правило, за убедительными правильными словами торчат уши удешевления, во всех значениях этого слова: и денежном, и не только в нем. Это также удешевление экономии усилий. Усилий и со стороны учителя, и со стороны ученика, вообще всех участников этого процесса. Вот замечательно Вы сказали об учителях-властителях, о том, как это нехорошо. Я тоже согласна – нехорошо это. Вы даже их уподобили Крысолову, и это было бы прекрасное уподобление, если бы оно не влекло за собой неприятного продолжения – ученики тогда крысы будут... а вот этого бы не хотелось.

Можно подписаться и под тем, что чем дальше от учителя, тем больше у ученика шансов что-то сделать в жизни. Но это верно только в том случае, если понимать под «сделать» некие конкретные решения, научные ли, жи-

тейские ли. А влияние личности учителя... ну, может быть, это слово неприятное в контексте Ваших рассуждений о влиянии; наверное, какое-то можно найти другое... но какое же? Партнер по игре, профессиональный коллега, сосед, не знаю, как это назвать, но все-таки от признания влияния учителя, – скажем так для краткости, – вот от него отказываться не следует так решительно, как Вы это делаете.

Учитель может повлиять... не на решение и не на подходы, а на некий стиль жизни, отношение к делу... Вот это все-таки драгоценное свойство личностного общения, которое не хочется утрачивать. Но, впрочем, это, конечно, в большей степени относится к школе высшей, где ученик выбирает учителя, а не в школе средней, где ученика, так сказать, прикрепляют, ставят, где за него уже выбрали.

Последнее, что я хотела сказать: игровое обучение возможно, в нем и правда есть реальная необходимость. Но вот даже такой авангардист в сфере образовательных проектов, как Ярослав Иванович <Кузьминов>, совершенно справедливо заметил, что в игре не худо бы как-то актуализировать и понять и ответственность. Говоря о свободе, мы хорошо помним, что свобода и ответственность – пара, а вот игра и ответственность – это в нашем сознании как-то хуже укладывается. А это важно.

И еще. Необходима также некая идея труда, сознания, что он необходим, что не получится, не читая книг, фонтанировать идеями: для них тоже материал нужен. Иначе овладеть «нашим единственным достоянием», прошлым, не получится.

25 октября 2005 года